

В. И. ЗАБРЕЖНЕВ

Проповедники индивидуалистического анархизма в России (Доклад Амстердамскому конгрессу анархистов-коммунистов, состоявшемуся 24–31 августа 1907 года)

Бурный 1905 год вынес в России наружу многое из того, что раньше было скрыто глубоко в подполье. Фактическое осуществление захватным порядком свободы слова и печати совершенно упразднило, — вплоть до подавления Московского восстания¹, понятие о нелегальной литературе. Книги, брошюры и газеты, за нахождение которых при обыске еще так недавно грозила бы тюрьма и ссылка, долгое время невозбранно красовались в витринах книжных магазинов. Краткий период «свобод» с лихорадочной поспешностью был использован для издания бесчисленных произведений бунтовской мысли, всевозможных оттенков и направлений.

До последнего времени в русском нелегальном мире господствовали социалисты-государственники, монополизировав контрабандные пути для провоза своих заграничных изданий и всячески препятствуя проникновению в Россию анархической литературы. <...>

Знакомство же с анархизмом в чистом виде оставалось достоянием очень незначительного круга лиц, — преимущественно интеллигентной молодежи, — познакомившихся с ними или по библиографически редкой нелегальной литературе 70 — х годов — (наследие «бакунистов», каковыми была большая часть «народников-пропагандистов») или за границей. Громадное же большинство русской читающей и мыслящей публики и не подозревало о существовании анархизма, как целостного мирозерцания.

Лишь за последние 5–6 лет началась подпольная пропаганда анархистов-коммунистов среди рабочего — главным образом

еврейского населения западной России. Работа первых анархических групп центральной России ведет свое начало с весны того же 1905 года.

В силу специально российских условий, русская учащаяся молодежь и вообще русская интеллигенция, даже стоящая в стороне от революционного движения, имеет более или менее непосредственные связи с крайними революционными элементами.

Новое течение в революционной среде не могло пройти незамеченным ею даже раньше открытых выступлений анархических групп, не могло не привлечь внимания и не побудить к знакомству с контрабандной литературой этого течения.

Наступившая скоро эра свободы печатного слова способствовала этому знакомству. В интеллигентской среде развелось множество «анархистов».

В то время, как идеи анархического коммунизма усваивались главным образом рабочими и активно-революционной молодежью, либеральной интеллигенции, стоящей в стороне от революции, больше всего по душе пришелся, конечно, Штирнер с его путано противоречивой и допускающей самые произвольные выводы «теорией».

На почве штирнерства выросли анархисты-индивидуалисты, анархисты-мистики, декаденты и... эротоманы.

Мы ограничимся здесь рассмотрением русского анархического индивидуализма в лице двух его литературных представителей: Алексея Борового и О. Виконта.

* * *

А. Боровой, юрист, приват-доцент, автор книжки: «Общественные идеалы человечества. Либерализм, социализм, анархизм» (Изд. «Идея» Москва 1906 г.) и двух предисловий к русским изданиям: Макаевских «анархистов» и книжки А. Намон'а «Социализм и анархизм». Этим предисловиям он, по-видимому, придает также «теоретическое» значение, делая перекрестные ссылки на них. Поэтому и мы примем их во внимание при рассмотрении его взглядов.

«Индивидуалистический анархизм, говорит г. Боровой в предисловии к Маккеевским “Анархистам”, есть единственное, последовательно-продуманное анархистическое миросозерцание»... «он не знает ничего над личностью и вне личности. Свобода личности — его исходная точка и его конечный идеал».

«Только индивидуалистический анархизм является строго индивидуалистической доктриной, только у него общество обращается в абстракцию, которая не может более давить человеческую личность, только у него абсолютное самоопределение личности перестает быть соблазнительным словом и превращается в трезвый жизненный принцип». (пред. к «Анархистам» Изд. Логос М., 1907 стр. V)

В своей книжке «Общественные идеалы человечества» он признает, однако, что индивидуалистический анархизм не только допускает право, как результат соглашения общины, но и угрожает серьезными наказаниями тем, кто попытается нарушить такую правовую норму. <...>

Позиция, занятая автором по отношению к анархическому коммунизму такова: «...Коммунистический анархизм... заключает в себе неизбежно глубокое внутреннее противоречие. Выдвигая (?) на своем знамени автономию личности, он своим признанием общей воли, правовых норм и общинного начала, отдает ее в жертву принципу большинства (?). Такой анархизм не заключает в себе ничего индивидуалистического и, отвергая политическую зависимость, он мирится с другой, не менее страшной зависимостью, зависимостью социальной... Коммунистический анархизм... является лишь наиболее крайним выражением социалистической мысли». (пред. к «Анархистам» стр. V).

«Коммунистический анархизм прежде всего не есть индивидуализм» («Общ. идеалы» стр. 59).

«Всё учение анархистов-коммунистов представляет из себя компромисс между стремлением к абсолютной свободе индивида и теми ограничениями, которые необходимо налагает всякая социальная жизнь». (Общ. ид. чел — ва. стр. 62). <...>

Итак, к коммунистическому анархизму автор относится отрицательно. Но и в индивидуалистическом анархизме, несмотря на его восхваление, он видит некоторый недостаток. Особенно отчетливо это выражено в следующих строках:

«Более продуманным и законченным (чем коммунистический анархизм) представляется нам анархический индивидуализм, но и он, вопреки своему названию, не может быть назван торжеством индивидуалистической идеи». (Общ. ид. ч — ва. стр. 65).

Какой же корректив предлагает автор со своей стороны, чем думает он пополнить «убогое нищенство тех средств, которыми он (анархизм) пытается провести свою программу в жизнь»? Чем

обогатит он теоретиков, «называющих себя эволюционистами, в сущности остающихся утопистами добрых старых времен, экономические построения и положения которых, несмотря на кажущуюся серьезность, постоянно сбиваются на старый лад»? (там же стр. 67–68) Не собирается ли г. Боровой, так восхищающийся «грандиозной задачей, выполненной Марксом по отношению к социализму», его «гигантским синтезом социалистической мысли», не собирается ли сам он сыграть роль нового Маркса — творца, о пришествии которого для анархизма он так страстно взывает?

В своей книжке «Обществ. идеалы человечества» он делает *пока* «попытку решения капитальной проблемы анархизма, заранее опуская все мелочи и детали, намечая только основные тенденции, которые должны осветить наш путь» (стр. 70).

«Задача, подлежащая нашему решению, говорит он, представляется в следующем виде: каким образом можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?»

«Абсолютная свобода индивида, понимаемая в смысле полной независимости от внешних человеческих установлений, — невозможна в социальной жизни... социальная жизнь есть внешним образом упорядоченная совместная жизнь людей». (стр. 70–71).

«Всякий внешний порядок есть предположение известной организации, но всякая организация, как общественный принудительный момент, является антиномией по отношению к свободе личности. Таким образом основной идеал анархизма и социальная жизнь суть две непримиримые противоположности». (стр. 72).

Приходя к заключению, что всякий внешний распорядок или регулирование сосуществования людей обусловлен исключительно хозяйственными целями, автор ищет спасения в прогрессе техники. <...>

Признавая затем непоколебленным, несмотря на всевозможные критики, «закон глубочайшего знатока хозяйственной истории нового времени Маркса», закон концентрации капиталов для фабрично-заводской промышленности и, стараясь доказать материальные преимущества крупных механических двигателей перед мелкими, автор заключает, что «время анархистической революции еще не пришло».

«Всякий последовательный анархист должен не бороться против надвигающегося социалистического строя, а наоборот,

жаждать его приближения, ускорить его наступление, чтобы покончить с ним, когда он достаточно разовьется, одним взмахом (!)». (стр. 88).

«Современные анархисты говорят о каком-то безумном, надорганическом скачке в царство свободы, между тем как необходим социалистический строй 1) — как стадия технико-экономической подготовки, 2) — как стадия подготовки психологической». (стр. 89).

«Социалистический строй, говорит он дальше, есть, конечно, самая совершенная форма экономической жизни». Он-то подготовит мощное развитие технического прогресса, и, вместе с тем, демократизирует приобретения культуры, «воспитает экономически универсального человека. А факт ужасающих бедствий, нищеты и голодовок и затем телесного насыщения в социалистическом строе, подготовить психологическую основу для восстания неслыханно пострадавшего в свою очередь духа в этом строе. В результате получится царство истинной свободы — анархизм».

«Все настоящие попытки на индивидуалистическое самоопределение заранее осуждены на бесплодие; это заблуждение. Это гордый дух в брэнном теле.» (стр. 92) В анархистическом строе личность станет богом, штирнеровским «я».

«Тот, кто исповедует подобное мирозерцание, говорит г. Боровой в заключение, обречен на борьбу. Перед ним открывается бесконечное поприще! Пусть голос его неумолчно звучит о негодности политических форм, о безнравственности принципа власти.» (стр. 93)

Таков этот новый проповедник царствия божия в далеком будущем и *словесной* борьбы с существующим злом. Таков этот гордый, независимый дух, который не в силах примириться с малейшим намеком на подчинение личности в анархическо-коммунистическом строе и жаждущим всеми силами своей души скорейшего наступления социалистического рабства. Конечно, не за себя он скорбит и болеет, а за «бедного пострадавшего, обездоленного пролетария», который в благодарность за такую чуткость к своим интересам, должен идти на страдания, смерть (стр. 93. общ. ид. ч-ва) для доставления ему социалистического рая.

Знакомое явление! Но вся шумиха громких фраз не обманет, конечно, того, кто лично заинтересован в уничтожении всякого экономического и политического гнета.

Оставляя в стороне всю, так сказать, классовую подоплеку подобных теоретических построений, мы хотим выяснить лишь их принципиальную обоснованность и последовательность и потому займемся изложением взглядов другого русского представителя этого течения.

О. Виконт, тоже юрист, редактирует журнал «Индивидуалист». Много любопытного могли бы извлечь мы из этого журнала, но, к сожалению, не имеем его под руками. Мы ограничимся поэтому брошюрой: О. Виконт «Анархический индивидуализм» Москва, 1906 с эпиграфом: «Ты индивид и потому должен быть самобытен и силен».

Под анархизмом, по словам автора, надо понимать глубокое учение, целостное мировоззрение как на окружающую природу, так и на природу самого человека и на будущую совершенную общественную жизнь его. Поэтому слово анархизм, указывающее лишь на отрицательную часть этого учения, не достаточно. Для того чтобы, не упуская из вида отрицания власти, выразить и положительный идеал, лучше подходит термин «анархический индивидуализм» или просто «индивидуализм». Главный предрассудок, мешающий осуществлению идеалов анархизма на земле — идея бога, порождение невежества и вместе с ним она должна исчезнуть.

Из идеи бога вытекает идея власти вообще, всякой власти, основой которой является та или иная общественная организация. Бог и власть — два главных предрассудка, мешающих человеку быть вполне свободным.

«В борьбе с этими предрассудками, в разрушении их, заключается сущность деятельности представителей анархического индивидуализма.» (стр. 23).

Мирозерцание анархического индивидуализма сводится к следующему:

«Человек — высшее творение (из?) всего живого, сущего, совокупность всего разумного. Все, что вокруг человека, должно принадлежать ему единственно, а не какой-нибудь фикции, — напр., обществу.» «Но я, прежде всего, живое существо, личность, индивид. У меня свои собственные особенности. Эти особенности — всё, что единственно ценное во мне. Их я должен сохранить во что бы то ни стало, а не отшлифовывать для пригодности к данной форме человеческого общежития.» (стр. 24).

... «Всеми моими действиями руководит мое личное благо».
«Мы требуем полной свободы человеку, только при ней чело-

веческая личность может развиваться во всю ширь и глубину своей оригинальной индивидуальности». (стр. 25).

Но... «мы этим не отстраняем общения людей между собой. Анархический индивидуализм отрицает только всякую организацию, на которую опирается принудительная власть». «Но тогда индивидуалистические идеалы перестанут быть идеалами и осуществляться на земле, люди будут пользоваться услугами себе подобных, быть может, не менее, чем теперь. Только оказывать эти услуги станут не отдельные и постоянные организации. Люди будут соединять свои силы каждый раз, когда в этом встретится надобность. Не организовываться, но *соединиться*». (стр. 26).

Приведут к торжеству индивидуализма два фактора: 1) — умственный и технический прогресс и 2) — все большее и большее усовершенствование форм человеческого общежития.

Технический прогресс сведет до *minimum*'а борьбу за существование отдельного человека и доставит ему *maximum* комфорта.

Общественный прогресс проведет человека через различные политические и экономические формы жизни, через социализм, и приведет к возмущению поработанного духа человеческого.

«Раз это торжество (идеалов индивидуализма) рано или поздно наступит, то что же делать нам, живым людям, в каждый отдельный период прогресса человечества? Что делать мне?» — спрашивает автор. И отвечает: «Я буду жить и наслаждаться жизнью. Но, чтобы наслаждаться, я должен быть прежде всего *самостоятельным*, т. е. оставаться при своих особенностях и, затем, *сильным*, иначе — развить свои особенности до последних пределов их развития, и ничто не должно стоять мне поперек дороги. Если ты помешаешь мне — я столкну тебя в бездну. Если я, больной и измученный, мешаю тебе взойти на гору — брось меня. Пусть я издохну. По ту же сторону моей жизни — ничего нет. Итак, живи, но будь самобытен и силен. И разве тогда ты не сможешь способствовать прогрессу человечества? Разве тогда не будешь в состоянии применить все виды пропаганды, начиная с убедительного слова, вплоть до сокрушения ребер “человеческих”? Итак, живи, проповедуй и действуй». (стр. 32).

Мы нарочно целиком привели эти заключительные строки, как образец словоблудия по ницшеанскому подобию.

Мы видим, что в основных положениях русские представители анархического индивидуализма являются верными подражателями своих западноевропейских учителей.

И Штирнер, и Туккер кладут в основу своего учета самодовлеющую личность и ее благо. Они называют себя, поэтому, эгоистами. Штирнеровский «Единственный» стремится утвердить свою исключительную самоценность, свою самобытность. Он отрицает «всё, что не я». Ко всему он относится с «потребительной» точки зрения. «Мы стоим друг к другу, говорит Штирнер, — в отношении пригодности, полезности, прибыли».

Но едва он спускается с заоблачной абстракции на грешную землю, где все гораздо сложнее, и обращает свой взгляд на живого человека, — этому понятию «прибыли» он вынужден придать более широкое толкование и от отрицания приходит к признанию многого, «что не я». Ради собственного счастья он, оказывается, «любит людей и не только некоторых, но всякого человека», «он сочувствует каждому чувствующему существу», радуется его радостями и страдает его страданиями; «готов отказывать себе во многом, лишь бы доставить ему удовольствие; я готов пожертвовать ему всем, что для меня, за исключением его, всего дороже: моей жизнью, моим благосостоянием, моей свободой». «Но моим я, оговаривается Штирнер, самим собой, я не могу пожертвовать ему; я остаюсь эгоистом и буду “потреблять” его». После только что сказанного оговора эта звучит не слишком страшно, и мы не будем спорить о том, «потребляет» ли эгоист другого, жертвуя ему жизнью, или сам потребляется им.

Таково первое противоречие между абстрактным штирнеровским эгоистом и его реальным воплощением.

От «потребительной» точки зрения на ближнего ему придется еще не раз отступать в дальнейшем изложении. <...>

Наконец, даже сильная личность не может существовать изолированно. Это невыгодно для нее и материально, и духовно. Но ведь против общества и общественности Штирнер выступает самым беспощадным образом... Он думает выпутаться, придумав «союз эгоистов». «Союз, уверяет он, не общество. Общество, это — закристаллизованный союз, это труп союза». Разрешив, казалось бы, таким образом, затруднение, Штирнер, однако, с горечью признается, что и его союз не может существовать без того, чтобы свобода личности не была стеснена... Проблема

абсолютно свободной и самобытной личности остается неразрешенной... и не разрешимой вне области абстракции.

Тукер, с самого начала признающий, что общественность тесно связана с жизнью личности, во имя этой самой общественности допускает такие ограничения свободы личности, что, как мы видели, вызывает даже неудовольствие своих последователей.

Г. Боровой сурово порицает и упрекает своих учителей, в последовательности. Сам он мечтает при помощи технического прогресса поставить личность вне всякой зависимости от общества.

Что Штирнеру и Тукеру не удастся последовательно провести свою основную точку зрения — это верно. Но является ли г. Боровой последовательным *индивидуалистом*? Заключается ли последовательный индивидуализм в абсолютном выделении и изолировании индивида?*

Чтобы ответить на этот вопрос, надо покинуть область метафизики и перейти к точному определению того, что же такое, наконец, человеческий индивид?

Индивид, буквально, значит неделимое. Это элемент, это самая мельчайшая, самая простейшая частица субстанции, обладающей всеми ее свойствами. В химии, напр., такой частицей будет атом химического элемента**. <...>

Каковы же непрременные свойства «неделимого» человеческого вида?

Ему присущи и в нем ярче всего проявляются те свойства, тенденция которых намечалась и развертывалась на предшествовавших ступенях эволюции. Они и лишь они своим дальнейшим развитием ведут его «всё вперед и выше», благодаря им «человек (по удачному выражению Ницше) это — великая возможность», в то время как другие свойства его — рудименты животного мира — выводят особей, обладающих только ими, из колеи биологического прогресса.

* * *

<...> Совокупное и гармоничное развитие есть *идеал человека*, идеал человеческой личности. Это — та «великая возможность», или, что то же, — та великая потребность, которая будет осу-

* Если даже допустить фактическую возможность этого и оставить в стороне вопрос о процессе и способах созидания «машин-освободителей».

** Atom — по-гречески индивид — по-латински значит одно и то же — неделимое.

ществуется вполне лишь при отсутствии всякого экономического и политического гнета.

Каковы же эти «чисто человеческие» свойства, отличающие *типичного* представителя вида *Homo Sapiens* от недоразвитого экземпляра этого же вида?

Разумеется, они не связаны с внешне-анатомическими характерными особенностями его, присущими человеку от рождения, на основании которых не всегда отличишь даже идиота от нормального развитого человека.

Главное отличие человека, достойного этого имени, от животных и от аномальных отклонений — богатство и тонкость психики, отличие лишь в самых общих чертах, пока доступное констатированию на секционном столе, но дающее нам знать о себе по своим проявлениям.

Развитие же и совершенствование психики человека требует специальных условий — общественности, среды себе подобных. Наличие этих условий уже на низших ступенях эволюции, привела к громадному повышению интеллекта. Новым, важным импульсом к этой общественности является у человека способность к членораздельной речи (продукт приватной эволюции) и усложнению мышления, вытекающему из нее.

<...> Вне общества себе подобных, вне тесной и постоянной взаимной связи человек фактически не в состоянии развернуть во всей ее полноте свою человеческую личность.

Таким образом, вопреки уверениям анархистов-индивидуалистов, русских и европейских, — общественность не только не ограничивает личность, но есть неперемное условие ее полного и всестороннего развития. Основной идеал анархизма и социальная жизнь не две непримиримые противоположности, а понятия соподчинённые.

Общественность у животных, в том числе и у человека, вызывает неизбежно дальнейшее развитие «общественных инстинктов» — взаимопомощи, взаимного дружелюбия и поддержки, — вплоть до сознательного выражения их — солидарности, неперемного залога успеха в борьбе с неблагоприятными явлениями природы или уклонениями усложнившейся общественной жизни в сторону от идеала общежития — свободного существования.

Еще Ламарк отметил важную роль этих факторов в переживании тех или иных видов. Дарвинизм, особенно вульгаризация его, вызвали игнорирование их. В L' *Entraide*¹ Кропоткин собрал

некоторые данные, доказывающие, что переживание наиболее сильных в борьбе с природой и другими видами вовсе не является законом биологического прогресса, ибо часто, выдержав борьбу, сильный победитель бывает слишком ослаблен ею. Наоборот, залогом прогресса является не конкуренция, не взаимная борьба, а сотрудничество, взаимопомощь**.

Игнорировать этого обстоятельства нельзя, если хотят оперировать не с созданной фантазией, а с реальной человеческой единицей. Нельзя при изучении жизни человеческого общества произвольно вырывать его из связи с общей мировой жизнью, одним из звеньев которой является оно. <...>

Итак, общественность — неотъемлемое свойство человеческого индивида. Нельзя упускать это из вида, кладя его в основание своей системы. Не общественность ограничивает человеческую личность, а современные формы общежития, выводящие представителя вида *Homo Sapiens* из колеи биологического прогресса, толкающие его к вырождению. Но залог успеха в борьбе с этими формами за возможность интегрального развития личности, за личность, свободную от всякого гнета, лежит именно в общественных свойствах человека. Объединенная на почве солидарности и взаимопомощи, угнетенная часть человечества неизбежно победит давящий ее слой паразитов, признающих лишь принцип конкуренции этих «выродков» человеческого вида.

Последовательный индивидуализм не может оперировать с кастрированным индивидом, каковым является «последовательный» эгоист. Понятие эгоизма уже понятие индивидуализма, индивидуализм же во всем своем объеме входит, как составная часть, в наше мировоззрение — мировоззрение анархистов-коммунистов.

Анархический индивидуализм не есть последовательный индивидуализм.

Но быть может анархические индивидуалисты более последовательные *анархисты*, чем анархисты-коммунисты? Мы видели, что они утверждают это. Так ли это, однако, на самом деле?

Что такое анархизм в собственном смысле слова? Это — отрицание власти, всех ее проявлений и неизбежно отсюда вытекающее отрицание государства.

* Мы не останавливаемся на этом положении, отсылая желающих к источникам.

И Штирнер, и Туккер, и их русские последователи негодуя обрушиваются на государство. Но это их отрицательное отношение к нему противоречит их собственным теоретическим построениям и остается пустой и звонкой фразой.

Государство есть воплощение отвлеченной власти во вполне реальных институтах — армии, полиции и юстиции. Эта организованная сила ради защиты старых и создания новых привилегий, ради закрепления их с теми, кто оказался достаточно сильным, чтобы воспользоваться ими в ущерб всем остальным.

<...> Действительно, нельзя не согласиться, что власть обеспечивает располагающим ею известную свободу действия в направлении угнетения и эксплуатации подвластных им. Но тогда зачем же метать громы и молнии против современного ее воплощения?

Если штирнеровский «единственный» является противником привилегий, от которых ему пришлось бы терпеть, то он отнюдь не прочь *сам* обладать ими. Он ведь имеет право на все, чем в силах завладеть, следовательно и на привилегии, следовательно, и на угнетение других. В самом деле, что может получиться из «самобытности» штирнеровского эгоиста, как не угнетение более слабого более сильным? Оно прямой логический вывод из его «потребительного» взгляда на всякого другого человека. <...>

Туккер, ярый противник государства, его атрибутами снабжает «союз договорившихся», предоставляя ему проявлять безграничную власть над его членами (тюрьма, пытки, смертная казнь). На основе *его союза* рождается власть, а не на основе общественной организации анархистов-коммунистов, которую все индивидуалисты (в том числе и Боровой с Виконтом) почему-то никак не могут себе представить построенною иначе, чем по принципу централизма и иерархии.

Подобно Штирнеру, Туккер видит *в силе* единственное мерло потребностей. Как и все анархисты-индивидуалисты, он признает частную собственность — этот источник всяких привилегий, а, следовательно, и угнетения, и эксплуатации. О средствах, которыми туккеровские союзы будут защищать эту частную собственность, мы уже говорили.

Казалось бы, русские анархисты-индивидуалисты гораздо категоричнее высказываются против самого принципа власти. Виконт в борьбе с ними видит всю сущность анархического индивидуализма. Но к ним приложимы почти все возражения,

сделанные нами их учителям. Они лишь избегают непоследовательности штирнеровского «единственного», из любви к другим людям готового на самопожертвование. Да еще в одном идут они дальше. Они хотят и жаждут большего обеспечения эксплуатации и угнетения и ради этого готовы... примириться с реальным воплощением власти в государстве. Они стремятся к социалистическому строю! Это угнетение, видите ли, нужно в интересах самой личности, ради наиболее полного ее освобождения... Века нового и еще более сурового рабства и угнетения должны, по их мнению, подготовить *психологию свободных людей*, создать психологическую основу для освобождения от всякой власти...

Анархисты-коммунисты для этой цели считают необходимым постоянное упражнение в самоосвобождении, постоянный — и не словесный только — бунт против всяких проявлений власти, развитие «бунтовского духа». Отрицая власть, они зовут к постоянной, непрерывной борьбе с нею в лице ее представителей и институтов. Отрицая власть над собой, они отрицают ее вообще, от кого бы она ни исходила и категорически отказываются сами пользоваться ею.

Индивидуалистический анархизм не есть последовательный анархизм.

Итак, в мировоззрении анархистов-индивидуалистов ни анархизм, ни индивидуализм не выдержаны вполне последовательно, не доведены до своего логического конца. Их громкой и противоречивой фразеологией могут очень удобно прикрываться далеко не двусмысленные вожелания, ибо по существу это — идеология слоя привилегированных, это освящение существующего (и грядущего) строя угнетения и насилия в интересах немногих «избранных».

«Самобытная личность» — это человеческое существо, отклонившееся от прямой колеи биологического процесса, под влиянием условий современного капиталистически-государственного строя и впитавшее в себя все его отличительные черты — узкий эгоизм, конкуренцию, стремление к власти и привилегиям — положена в основу их учения. Ей, этому порождению чудовищ-капитала, этой кристаллизованной буржуазности, и только ей, открывает оно широкий простор действия.

Программа их действий, критерием которых является «я каков я есть»* есть не что иное, как простое изображение того, чем

* Штирнер. То же и у других. Напр. «Мои особенности — все, что единственно ценно во мне» Виконт и т. д. до бесконечности.

давно уже руководятся в лагере имущих и привилегированных и те, кто стремится попасть в число их.

Удивительно ли, что самые типичные буржуа, буржуа до мозга костей своих, охотно задрапировываются в живописную тогу анархического индивидуализма и наперерыв зачисляются в ряды его последователей?

Так было во Франции (L'Endehors, La Plume), так обстоит дело и у нас.

Но против сытых паразитов и эксплуататоров, как бы они себя не называли, все более и более грозно выступают обездоленные и угнетенные. Они собираются под знаменем анархического коммунизма, объединенные чувством солидарности в борьбе со всякими привилегиями, со всякой властью, со всяким гнетом, во имя всесторонне развитой и абсолютно-свободной *общественной* личности.

И победа их неизбежна и близка.

